

— 101 —

Воспоминанія и впечатлѣнія перваго судового священника во время заграничнаго плаванія въ 1900 г.

(Отъ Чернаго моря до Балтійскаго).

Послѣ восьмимѣсячной стоянки въ Севастополѣ Императорская яхта «Штандартъ», по минованіи въ ней надобности на Черномъ морѣ, готовилась возвратиться восвояси — въ Кронштадтъ ¹⁾, откуда она ушла почти два года тому назадъ ²⁾. Семейные офицеры и матросы, у которыхъ семьи все это время жили здѣсь (въ городѣ), заранѣе провожали ихъ прямымъ путемъ (железнодорожнымъ) туда же на Сѣверъ — изъ тепла на холодъ ³⁾, а всѣ вообще дѣлали послѣдніе визиты своимъ городскимъ знакомымъ. У со-

¹⁾ Здѣсь находится 5-й флотскій Е. И. В. генералъ-адмирала Алексія Александровича экипажъ, къ составу коего принадлежит и «Штандартъ».

²⁾ До стоянки въ Севастополѣ яхта, по случаю усовершенствованія машиннаго отдѣленія, девять мѣсяцевъ находилась во Франціи въ (Тулонѣ).

³⁾ Въ Севастополѣ первый и вмѣстѣ послѣдній снѣгъ выпалъ на Новый годъ, а послѣ въ Ревелѣ мы увидѣли его и на 1-й день Пасхи.

держателя каютъ-компаніи¹⁾ была своя забота: нужно было запастись провизіи на свою большую семью офицеровъ по крайней мѣрѣ на мѣсяць плаванія, помня русскую пословицу: «на чужой караванъ ротъ не разѣвай, а лучше свой припасай». У «батушки» тоже была своя кручина. Предстояло заграничное плаваніе вокругъ Европы; такимъ образомъ представлялась возможность посмотрѣть «заграницу» воочию, по крайней мѣрѣ—увидѣть нѣсколько приморскихъ заграничныхъ городовъ; по маршруту были назначены стоянки въ городахъ: Палермо (на о. Сициліи), Кадиксъ (близъ Гибралтара), Шербургъ (въ франц. провинціи Нормандіи) и въ Копенгагенѣ; значить, можно было хотя однимъ глазомъ взглянуть на Италію, Испанію, Францію и Данію и тамъ «людей посмотрѣть»; но—являлся при этомъ вопросъ—можно ли тамъ «себя показать» въ нашемъ православно-русскомъ одѣяніи духовенства, не рискуя подвергнуть этотъ самъ по себѣ очень идейный костюмъ и самого себя незаслуженному осмѣянію и оскорбленію? Слышалъ я, а потомъ и самъ убѣдился въ этомъ, да и всѣ бывавшіе за границей знаютъ—и это ни для кого не тайна, — что наши «заграничные», служащіе при посольствахъ, священники ходятъ тамъ въ въ «штатскомъ» платьѣ во избѣжаніе того, что, какъ говорятъ, случилось съ однимъ архимандритомъ, настоятелемъ посольской церкви, не желавшимъ переѣзжать платье, но и не выдержавшимъ натиска грубой толпы, особенно—пазойливыхъ уличныхъ мальчишекъ, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ оставить свой постъ и вернуться въ Россію, не желая, чтобы и за нимъ, какъ за Крыловскимъ слономъ, «толпы зѣвакъ ходили» и еще хуже того... Сослуживцы-офицеры приводили, при этомъ, и другіе подобныя факты изъ своихъ личныхъ наблюденій, и въ результатъ всѣхъ размышленій и разсужденій по интересовавшему меня вопросу получалось одно: «штатское» или, по выраженію матросовъ, «вольное» платье неизбежно, если не хочешь все время сидѣть въ своей каютѣ, какъ въ берлогѣ, а съ другой стороны—не хочешь отдавать и себѣ и свое одѣяніе, а чрезъ это какъ бы и все православно-русское духовенство, на посмѣшище заграничными дикарямъ, хотя странно и обидно было за то, что нашъ костюмъ, въ общемъ очень похожій на костюмъ католическихъ патеровъ (вѣдь ихъ «сутана» — тотъ же нашъ подрясникъ, только застегиваемый массою пуговицъ

¹⁾ Членами коей, во главѣ со старшимъ офицеромъ, состоятъ на яхтѣ по штату и положенію: 7 офицеровъ, 5 инженеръ-механиковъ, старшій штурманъ, врачъ, священникъ и пикиверъ; изъ среды офицеровъ и набирается по очереди на 4 мѣсяца содѣржатель каютъ-компаніи.

посрединѣ сверху до низу, а не двумя-тремя съ боку какъ послѣдній, а набрасываемая сверхъ ея накидка напоминаетъ нашу рясу), возбуждаетъ въ ихъ «гуманныхъ» и «просвѣщенныхъ» пасомыхъ больше празднаго любопытства, сопровождаемаго грубыми смѣхомъ и подчасъ циничными выходками по адресу носителя его, чѣмъ въ «грубыхъ» и «непросвѣщенныхъ» пасомыхъ послѣдняго — этихъ, на ихъ взглядъ, «Европейскихъ азіатахъ», костюмъ настоящихъ сыновъ Азіи — напр. китайцевъ. Какъ ни дико было послѣ девятилѣтней привычки къ «солидному» и «степенному» — длинному и широкому костюму снова вообразить себя въ кургузостъ — короткомъ и узкомъ «штатскомъ»-«вольномъ» платьѣ, однако съ этимъ приходилось считаться и въ концѣ концовъ мириться, а потому симъ одѣяніемъ «страннымъ» для священника, конечно, запастись, успокаивая и оправдывая себя изреченіями народной мудрости: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся» и «съ волками жить — по волчьей вѣть» (что для меня равнялось: за границей быть — по заграничному ходить). Однако не безъ смущенія входилъ я въ «магазинъ готоваго мужского и дамскаго платья», думая, что удивлю и, пожалуй, насмѣшу тамъ всѣхъ своимъ появленіемъ.

Я уже готовился услышать «любезное», соединенное съ плохо скрываемой ироніей, замѣчаніе и предупрежденіе, что я, «вѣроятно, по ошибкѣ не туда зашелъ» и — еще болѣе удивить ихъ, заявивъ, что мнѣ нужно и именно для себя пиджачную пару и лѣтнее пальто. Но ничего подобнаго не случилось: выслушали спокойно, безъ всякой тѣни удивленія и и усмѣшки, какъ будто такъ и быть должно, и, вмѣсто ожидаемаго ехиднаго вопроса, я услышалъ самый естественный: «вѣроятно, за границу отправляетесь?» Оказалось, что у нихъ я былъ далеко не первый и, вѣроятно, не послѣдній изъ такихъ оригинальныхъ покупателей штатскаго платья для себя. Послѣ этого у меня отлегло на сердцѣ, и я уже безъ смущенія совершилъ покупку. — Такъ какъ рѣшено было сниматься съ якоря рано утромъ, то наканунѣ предъ вечерней молитвой (которая обыкновенно бываетъ въ 8 час. веч.) былъ отслуженъ въ присутствіи всѣхъ служащихъ на яхтѣ напутственный молебень или «чинъ благословенія хотящимъ по водамъ плыти». Всѣ одинаково горячо и усердно дожились: и старые, бывавшіе въ плаваніи, матросы, — недаромъ пословица говоритъ: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ и Богу не маливался», — и молодые, еще не видѣвшіе грознаго бурнаго моря, но наслышавшіеся о немъ отъ старыхъ матросовъ и, вѣроятно, знавшіе приведенную пословицу въ иной формѣ, по которой: «кто

на морѣ не бывалъ, тогъ и страху не видалъ». Всѣ усердно, поэтому, просили Бога «благословити водное путешествіе ихъ» и, внимая раздававшимся въ вечерней тишинѣ молитвеннымъ прошеніямъ священника, быстро переживали въ своей душѣ то тревожныя, то радостныя чувства. Въ душу каждаго невольно закрадывалось нѣкоторое смущеніе и тревога, когда слышалось моленіе священника «о еже утолити бурю, устави вѣтры, и тишину къ безмятежному плаванію»; но этотъ минутный страхъ быстро исчезалъ и сѣнялся чувствомъ спокойной преданности Промыслу Божію, безъ воли коего и волосъ не падаетъ съ головы человѣка и коему, поэтому, теперь каждый смѣло вѣрялъ судьбу свою, когда слышалось слѣдующее моленіе—«о еже послати ангела хранителя, наставляюща и отъ всякаго зла видимыхъ и невидимыхъ врагъ покрывающа и отъ истопленія бури водныя избавляюща» и «о еже избавити ихъ силою благодати Своел отъ всякихъ бѣдъ и нуждъ душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ недуга же и отъ напрасныя смерти, и всякія смертоносныя раны». А это чувство покорности волѣ Божіей, въ свою очередь, затѣмъ переходило въ радостное настроеніе надежды на благополучный конецъ плаванія и соединенное съ нимъ свиданіе съ родными, когда далѣе священникъ молился за всѣхъ «о еже мирно и благополучно препроводити, здраво же и безмятежно возвратити ихъ» и для сего просилъ у Господа всѣмъ «здравіе съ благополучіемъ и благовременнымъ во свояси возвращеніемъ милостивно подати» (Великая эктенія указаннаго чина).

Окрыленные этою надеждою, всѣ уже смѣло и убѣжденно, вслѣдъ за чтеніемъ «Апостола», мысленно зываютъ къ Спасителю, какъ «упованію сущихъ въ морѣ далече»; словами Псалмопѣвца: «аще я пойду посрединѣ смртиныя, не убояся зла, яко Ты со мною еси» (Пс. 22, 4), зная, что «и вѣтеръ, и море послушаютъ Его» (Мр. 4, 41), какъ говорится далѣе въ Евангельскомъ чтеніи на этомъ молебнѣ¹⁾. Тотчасъ послѣ молебна на верхней палубѣ подь открытымъ небомъ и на священномъ мѣстѣ всякаго военнаго судна — такъ называемыхъ «шканцахъ» послѣдній разъ въ Севастополѣ были воодушевленно пропѣты всей командой (въ 400 чело-

¹⁾ И невольно припомнились мнѣ при этомъ еще въ дѣтствѣ звучавшія по катехизису слова св. Кирилла Іер.: «вѣру водятся мореплаватели, когда, вверивъ судьбу свою малому древу, постоянное стремленіе вознѣ предпочитаютъ твердѣйшей стикіи—землѣ, продаютъ самихъ себя неизвѣстнымъ надеждамъ и живутъ при себѣ только вѣру, которая для нихъ надежитъ великаго якоря; только теперь во всей силѣ стала доступна уму глубокій смыслъ и понятна сердцу величана простыя, но живисныхъ словъ Святителя.

вѣкъ) положенныя по уставу молитвы («Господня», «Богородице Дѣво» и за Царя и Отечество), послѣ чего розданы койки, и всѣ поспѣшили поскорѣе заснуть, зная, что на утро ранѣе обыкновеннаго придется встать и болѣе обыкновеннаго работать. Впрочемъ, имѣющимъ нечистое постельное бѣлье и рабочее платье внушено воспользоваться обиліемъ даровой прѣсной воды и привести его въ опрятный видъ; при чемъ всѣмъ вообще внушено напередъ въ заграничныхъ портахъ при мытьѣ бѣлья быть экономными въ расходованіи прѣсной воды, какъ стоющей денегъ и очень значительныхъ, такъ какъ при этомъ выходитъ воды чуть ли не на рубль на каждаго матроса.

Наутро 17-го Февраля, когда городъ еще спалъ, на яхтѣ всѣ проснулись и, послѣ обычной утренней молитвы и завтрака, принялись за послѣднія приготовленія къ походу, а въ 8 ч. утра, когда и городъ проснулся, яхта снялась съ якоря. Городъ какъ будто посылалъ намъ прощальный привѣтъ колокольнымъ звономъ, а храмы—доброе напутствіе, ибо это былъ «благовѣсть» къ Литургіи (была суббота 1-ой недѣли Великаго поста), а яхта какъ будто отвѣчала на это семью выстрѣлами, дѣлая прощальный салютъ крѣпости, за твердынями коей въ защищенной отъ моря городомъ тихой и виѣстѣ живописной южной бухтѣ она была «какъ у Христа за пазухой». Но не скоро покинула яхта гостеприимный, живописный и дорогой по воспоминаніямъ Севастополь; какъ будто и ей, какъ и ея обитатели, не совсѣмъ-то хотѣлось покинуть край, «гдѣ все обиліемъ дышетъ» — особенно въ ту пору, которая наступала, — два съ половиною часа кружилась она, едва выйдя изъ сѣверной бухты въ открытое море, близъ высочайшаго и блестящаго на солнцѣ своей бѣлизной Херсонскаго маяка, недалеко отъ дивнаго храма св. Владиміра, воздвигнутаго на мѣстѣ древняго приморскаго Херсонеса Таврическаго и, въ частности, на мѣстѣ той церкви, въ коей принялъ нѣкогда крещеніе Равноапостольный князь Владиміръ; а вдали все это время видѣнъ былъ на вершинѣ горы, по склонамъ коей раскинулся Севастополь, другой чудный храмъ въ честь Равноапостольнаго Князя, подъ стѣнами коего покоятся вѣчнымъ сномъ четыре главныхъ и незабвенныхъ героя Севастопольской обороны — адмиралы: Истомина, Корниловъ, Лазаревъ и Нахимовъ, а на стѣнахъ начертаны имена «легіона» другихъ героев — ихъ сподвижниковъ. И только въ половинѣ 11-го часа, дали прямой ходъ къ берегамъ Босфора. Бурное большую часть года, а въ это время особенно, Черное море на этотъ разъ было спокойно, и яхта, не шелохнув-

шись, катилась по его зеркальной поверхности, дѣлая 16 узловъ (28 верстъ) въ часъ (узелъ = $1\frac{3}{4}$ версты). Было около часу дня, когда живописные, гористые берега Крыма совсѣмъ скрылись изъ виду, и кругомъ взору представлялась однообразная картина водной стихіи. Даже и въ спокойномъ своемъ состояніи это необъятное лоно водъ «понта Евксинскаго» давало чувствовать свою мощь и заставляло сознавать ничтожество и вмѣстѣ смѣлость человѣка, дерзающаго «малому древу ввѣрять судьбу свою», когда и гигантъ—корабль казался на немъ ничтожной скорлупой. Невольно приходило на память сдѣланное у Псалмопѣвца (Пс. 21, 7) сравненіе человѣка съ червемъ. Хорошо, что на этотъ разъ море оправдывало свое древнее названіе «евксинскаго» т. е. гостепріимнаго; далеко не такъ ласково встрѣчало оно яхту 8 мѣсяцевъ тому назадъ, когда всего менѣе ожидали отъ него «невпріятностей» (былъ Іюнь мѣсяць, а въ лѣтніе мѣсяцы на немъ, какъ и на всѣхъ моряхъ, болѣе господствуютъ «штилы», т. е. бываетъ спокойно), а, между тѣмъ, едва яхта показала изъ Босфора въ морѣ свой носъ, какъ, по рассказамъ очевидцевъ, ее такъ приняло «болтать»¹⁾, что скоро не только новичковъ—моряковъ, но многихъ и старыхъ, успѣвшихъ отвыкнуть отъ качки «укачало» и уложило, а барановъ—подаренныхъ султаномъ во время ихъ стоянки въ Константинополь—съ бака (верхняя палуба въ носовой части корабля) налѣтвевшей волной унесло на югъ (т. е. на корму). Вечерняя молитва 300 человѣкъ²⁾ въ открытомъ морѣ какъ то особенно торжественно звучала въ воздухѣ и по зарѣ, вѣроятно, далеко разносилась по морю. Затѣмъ я съ большимъ наслажденіемъ любовался закатомъ солнца, который еще въ первый разъ въ жизни видѣлъ въ открытомъ морѣ; а такъ какъ въ минуту заката солнца на военныхъ судахъ бываетъ особая церемонія спуска флага³⁾, при которой присутствуютъ все свободные судовые офицеры, то на заходящее дневное свѣтило были устремлены взоры мно-

¹⁾ Терминъ моряковъ, означающій, что, вслѣдствіе сильнаго волненія—шторма—на морѣ судно сильно качало.

²⁾ На ходу на общей молитвѣ не бываютъ машинисты, вочегары и некоторые изъ строевыхъ матросовъ, стоящіе «на вахтѣ», т. е. на дежурствѣ по своей спеціальности.

³⁾ Церемонія эта заключается въ томъ, что въ моментъ солнечнаго заката, по командѣ вахтеннаго офицера: «флагъ спустить», спускается при барабанномъ боѣ и игрѣ двухъ горнистовъ на рожкахъ, кормовой флагъ, при чемъ все присутствующее, за исключеніемъ горнистовъ, барабанщиковъ и караульных (последніе при этомъ держатъ ружья «на караулъ»), стоятъ безъ оруженъ, а затѣмъ и все остальное «сружки долой» и тогда 1 изъ барабанщиковъ читаетъ молитву Господню, послѣ чего караульный унтеръ-офицеръ рапортуетъ о благосостояніи яхты вахтенному начальнику, этотъ—старшему офицеру, а послѣдній командиру, и тогда все расходится.

гихъ; вотъ оно коснулось поверхности моря и затѣмъ какъ будто стало не погружаться въ немъ, а расплываться по нему, расширяясь и въ нижней своей оконечности до широты діаметра. «Отъ края небесе исходъ его и срѣтеніе его до края небесе» — (Пс. 18, 7) вспомнились мнѣ при эгомъ слова Псаломщица, въ истинѣ коихъ на морѣ нагляднѣе убѣждаешься, когда, видя предъ собою ничѣмъ незаслоненный небесный сводъ, какъ будто созерцаешь самые края неба, на одномъ изъ коихъ солнце появлется «яко женихъ, исходяй изъ чертога своего» (ст. 6), а на другомъ — противоположномъ скрывается. Скоро солнце совсѣмъ скрылось въ морской безднѣ, и только оставленный имъ на небѣ и отражавшійся въ морѣ яркій слѣдъ зари означалъ мѣсто, гдѣ потонуло оно. Но вотъ совсѣмъ стемнѣло: ни одного огонька кругомъ; только звѣзды ярко блестяли на небѣ, отражаясь мириадами огней въ морѣ; здѣсь, среди моря съ корабля еще лучше было наблюдать, чѣмъ «близъ потока», тѣ совершающіяся «далеко въ горнемъ мірѣ чудеса», о которыхъ говорить намъ поэтъ — богословъ (Хомяковъ)¹⁾. Зато, въ «дальнемъ» мірѣ кругомъ насъ не замѣчалось ни одного признака жизни, какъ будто путь шелъ по безлюдной необитаемой пустынѣ. Утомленные хлопотами съ ранняго утра всѣ свободные отъ вахты (4-хъ часового дежурства на посту специальности) скоро поддались общему настроенію окружающаго мирнаго покоя и крѣпко заснули. Даже оставшіеся на верху «на вахтѣ» какъ будто не хотѣли нарушать этой окружающей тишины, только изрѣдка они переговаривались между собою и то «шопотомъ», какъ будто боясь своего голоса въ ночной тиши, а больше молча исполняли свои несложныя на ходу обязанности по верхней палубѣ.

Когда на слѣдующій день (18-го) я въ 6 час. утра всталъ къ общей утренней молитвѣ команды, то было уже совсѣмъ свѣтло, и яхта подходила къ берегамъ Босфора и притомъ, какъ сообщили мнѣ, уже во 2-й разъ, потому что, подойдя сюда въ 4 ч. у., она принуждена была на часъ пути вернуться въ море, такъ какъ до полнога разсвѣта Босфоръ закрытъ для прохода судовъ. Такимъ образомъ вечерней молитвой накануне мы огласили средину Чернаго моря (такъ какъ, пересѣкая его почти поперекъ, были тогда на полпути), а теперь утренней — привѣтствовали его южный берегъ, гдѣ полторы тысячи лѣтъ назадъ христіанство впервые во всей силѣ почувствовало свою свободу, а теперь четыре съ половиною вѣка

¹⁾ Разумѣемъ его стихотвореніе: «Въ часъ полночи близъ потока ты изгляни на небеса: совершаются далеко въ горнемъ мірѣ чудеса»...

снова находится въ угнетенномъ состояніи, ибо тогда оно изъ религіи, тѣснимою іудействомъ и язычествомъ, объявлено не только дозволенною, но и господствующею надъ ними въ тогдашней всемірной Римской имперіи, а теперь въ Оттоманской Имперіи снова низведено на степень едва терпимой мусульманскимъ фанатизмомъ. Черезъ полчаса вступила яхта въ Босфоръ, съ приморскихъ береговъ коего на нее грозно смотрѣли изъ-за земляныхъ укрѣпленій черныя пушки; впрочемъ, ими обильно усѣяны и оба берега самого пролива, такъ что нашъ взоръ скоро присмотрѣлся къ нимъ, и онѣ перестали обращать на себя наше вниманіе. Да и до нихъ-ли было, когда взору представилась дивная панорама воспѣтаго и прославленнаго художниками слова и красокъ Босфора? Всѣ, кому можно было, высыпали на верхнюю палубу: не только тѣ, кто въ первый еще разъ видѣлъ его, но и тѣ, кто уже не разъ проходилъ здѣсь и любовался имъ (а таковыхъ было на яхтѣ значительное большинство, потому что, проходя въ Черное море, яхта останавливалась въ Константинополь на три дня). При самомъ входѣ въ Босфоръ яхта, какъ будто пораженная представившимся ей внезапно дивнымъ зрѣлищемъ, зашторила машину, замедлила ходъ, а потомъ и совсѣмъ на нѣсколько минутъ остановилась: ожидали пріѣзда на яхту какого-то (кажется карантиннаго) турецкаго чиновника, съ которымъ, какъ думали, предстоятъ объясненія нашему доктору; но никакого чиновника не появлялось, и яхта двинулась далѣе. Тихо было въ морѣ, а въ узкомъ защищенномъ гористыми берегами проливѣ тѣмъ болѣе; яхта какъ будто катилась по гладкому льду, нарушая покой пролива и его водянаго царства: мірады набившихся сюда дельфиновъ, называемыхъ еще «каساتками», напуганные появленіемъ въ ихъ тихомъ пристанищѣ такого неспокойнаго гиганта¹⁾, пустились въ бѣгство; а такъ какъ они на ходу, то взлетая, то ныряя, извиваясь какъ бы кольцомъ, по временамъ показывались на поверхности не только спиной, но и всѣмъ корпусомъ, то и можно было видѣть цѣлыя стада ихъ вокругъ судна, причѣмъ одни или впереди него, какъ будто стараясь убѣжать отъ своего врага, другіе—рядомъ, стремились обогнать его, а третьи—позади, не желая отставать отъ своихъ товарищей. Такимъ образомъ яхта все время шла по проливу, конвоируемая многочисленными отрядами дельфиновъ и провожаемая взорами апатичныхъ, какъ будто полусонныхъ турецкихъ рыбаковъ, кото-

¹⁾ Моряки говорятъ, что морскіе обитатели, близко подходя къ паруснымъ (бесашумнымъ) судамъ, уходятъ отъ паровыхъ, разгоняемые, очевидно, шумомъ машины и еще болѣе—быстро вращающагося подъ кормой огромнаго винта, такъ что ихъ въ открытомъ морѣ и не приходится съ послѣднихъ видѣть.

рыхъ, какъ малыхъ дѣтей въ колыбели, покачивало волной отъ яхты въ ихъ утлыхъ ладьяхъ; при чемъ одинъ изъ нихъ, очевидно, болѣе другихъ жизнерадостный, снялъ свою феску и, тряся ею въ воздухѣ, что то такое весело кричалъ, раскланиваясь съ нами. Между тѣмъ съ той и другой стороны продолжала развѣтываться чудная картинная галлерей, въ которой красоты природы, соединенныя съ произведеніями зодческаго искусства человѣка, приковывали къ себѣ глазъ зрителя. Но такъ какъ тотъ и другой берегъ какъ будто конкурировали между собою по красотѣ своихъ, отражавшихся въ Босфорѣ какъ въ зеркалѣ, видовъ и трудно было рѣшить, которому изъ нихъ отдать преимущество и пальму первенства, то и приходилось гоняться за двумя зайцами, постоянно перебѣгая съ одного борта яхты на другой, чтобы не упустить изъ виду ни одного клочка того и другого берега, не бросить на него хотя бѣглаго взора. Къ тому же берега были такъ близко къ яхтѣ, которая шла по срединѣ пролива, довольно узкаго, что можно было и невооруженнымъ глазомъ любоваться какъ раскинутыми по склону холмообразныхъ береговъ садами и рощами, такъ и смотрящимися съ берега въ водахъ Босфора дворцами и другими причудливыми сооруженіями, и только, чтобы рассмотреть какія-либо детали во всемъ этомъ, приходилось прибѣгать къ помощи биноклей.

(Продолженіе впереди).

~~~~~

Воспоминанія и впечатлѣнія перваго судового священника во время заграничнаго плаванія въ 1900 г.

(Отъ Чернаго моря до Балтійскаго).

(Продолженіе).

Мы находились на морской границѣ между Европой и Азіей и видели предъ собою берега той и другой; этотъ-то проливъ содѣйствовалъ частымъ набѣгамъ сыновъ дикой Азіи на мирныхъ обитателей просвѣщенной Европы; еще 2400 лѣтъ назадъ здѣсь гдѣ-то Дарій персидскій построилъ мостъ для переводъ своихъ войскъ изъ Азіи въ Европу. Жизнь на берегу, повидимому, только еще пробуждалась и не вошла еще въ свою обычную шумную колею; однако съ Европейскаго берега доносился уже усердный лай преслѣдовавшихъ каждаго проходившаго гражданка собакъ, о которыхъ такъ много говорятъ и пишутъ бывавшіе въ Константинополѣ съ сочувствіемъ и виждѣніемъ омерзеніемъ къ ихъ скелетообразному виду и которыхъ, очевидно, многовато и для такого большого города, по крайней мѣрѣ—болѣе того количества, какое ему подѣ силу хорошо кормить ¹⁾).

Но вотъ около 8 ч. берега нѣсколько раздвинулись; воды пролива получили большій просторъ какъ будто для того, чтобы дать возможность одновременно любоваться въ ихъ зеркалѣ, не тѣсня другъ друга, и раски-

---

¹⁾ Обиліе собакъ у турокъ, кажется, только Константинопольскихъ, объясняется, какъ мнѣ кто-то говорилъ, будто бы тѣмъ, что они у нихъ пользуются тѣми же симпатіями, что гуси у древнихъ Римлянъ только по совершенно противоположной причинѣ: тогда какъ у послѣднихъ гуси «отанчены» въ то, что «предки Римъ спасли», собаки у турокъ—въ то, что будто бы первые вооружались въ Константинополь при его завоеваніи и такимъ образомъ какъ бы помогли имъ взять его.

нувшемуся на Европейскомъ берегу Константинополю, древнему Цареграду, древнѣйшей Византіи и нынѣшнему турецкому Стамбуду, и его «визави» на Азіатскомъ берегу—Скутари. Константинополь расположенъ въ тупомъ углу, образуемомъ Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ и раздѣляемомъ заливомъ «Золотымъ Рогомъ», по лѣвую сторону коего находится самый городъ съ возвышающимися среди множества скученныхъ зданій минаретами и куполами мечетей, а по правую—предмѣстья его—Пера и Галата. Глядя на столицу древней Византіи и новой Оттоманской имперіи, трудно было себя представить, что видишь предъ собою городъ, пережившій и вынесшій на своихъ плечахъ набѣги дикихъ полчищъ, какъ ураганъ все сокрушавшихъ на своемъ пути и какъ огонь превращавшихъ все въ груды развалинъ и пепла. а еще болѣе—городъ, представляющій изъ себя, по суду присяжныхъ политиковъ, специалистовъ пресловутаго «восточнаго вопроса», центральный или жизненный нервъ заживо разлагающагося организма, этого—«живого мертвеца», какъ давно уже привыкли отзываться о Турціи. Но не столько столица эта привлекала вниманіе большинства зрителей съ яхты, тѣмъ болѣе, что она какъ будто и не хотѣла показать себя во всей своей наружной красѣ, скрываясь въ облакахъ утренняго тумана и тучахъ домового и парходнаго дыма, сколько древняя «великая Церковь» и «Матерь Имперіи» Византійской—храмъ св. Софій, а нынѣ главная султанская мечеть. Взоръ всѣхъ былъ какъ бы прикованъ къ этому грандіозному, хотя и изуродованному минаретами и другими мусульманскими пристройками, драгоценнѣйшему ¹⁾ сооруженію Юстиніана, которое и въ униженномъ состояніи и съ полумѣсяцемъ на куполѣ остается для сердца христіанина прежней святыней, имѣющей, вслѣдствіе такой своей трагической судьбы, даже какъ будто еще большую духовную предель и неизъяснимое нравственное обаяніе; уже четыре съ половиною вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ оно превращено въ мечеть поклонниковъ Магомета ²⁾, а для христіан-

¹⁾ «Постройка храма св. Софій стояла, по вычисленію историковъ, приближ. 2200000 рублей нашихъ, что сравн. съ цѣнностью нашего времени бюджетъ около 300 милл. руб.», «Св. Градъ Іерусалимъ» Арсенія, Еп. Сух., стр. 12 (С.-ПВ. 96 г.), а по Прот. Маркову («Храмъ св. Софій») около 130 милл. р. сер. (стр. 28).

²⁾ «Въ мечеть обращенъ этотъ храмъ тотчасъ послѣ завоеванія Константинополя турками; завоеватель Магометъ II, вступивъ въ городъ, прежде всего направился къ храму св. Софій и, пораженный его величественіемъ, приказалъ тутъ же провозгласить покореніе исламу» (Еп. Арс. стр. 13). Самый обрядъ превращенія св. храма въ мечеть состоялъ въ томъ, что одинъ изъ мученикъ, по приказанію Магомета, взошелъ на Епископскій престолъ и прочелъ молитву, а султанъ послѣ этого совершилъ на св. престолѣ свой намазъ («Паденіе Константинополя». Шеляговскій, стр. 127).

скаго сердца оно остается попрежнему «домомъ Божиимъ», «домомъ молитвы» «истинныхъ поклонниковъ Отца Небеснаго» (Ин. 2, 15; 4, 23; Матѣ. 21, 13), воздвигнутымъ въ честь и славу св. Софіи—Премудрости Божіей и цѣлое тысячелѣтіе существовавшимъ еще до своей печальной метаморфозы.

И не удивительно, ибо съ этимъ храмомъ связано столько церковно-историческихъ воспоминаній и народныхъ легендарныхъ сказаній, приуроченныхъ къ его возстановленію¹⁾; а для насъ [русскихъ св. Софія была и будетъ предметомъ не только удивленія, какъ вѣнецъ художественнаго искусства и церковной архитектуры, но и предметомъ почитанія еще потому, что подъ этими сводами послы русскаго князя Владиміра, присутствуя при богослуженіи патріарха, по ихъ словамъ, не знали, на землѣ ли они или на небѣ, слышали лики ангеловъ, вторившихъ трисвятой цѣсни, и, озарившись свѣтомъ истинной вѣры, перенесли ее потомъ въ Россію. Недаромъ историки называли этотъ храмъ «земнымъ небомъ», «второю твердію», «престоломъ и славою Господними», а общій голосъ всего міра называлъ его «чудомъ свѣта». Справедливъ былъ, вѣроятно, Юстиніанъ, воскликнувшій при созданіи его: «я побѣдилъ тебя, Соломонъ!» Все это и многое другое быстро пронеслось въ головѣ при взглядѣ на св. Софію. Былъ первый воскресный день великаго поста, а потому мысль невольно уносилась за 1060 лѣтъ назадъ, когда въ этотъ день въ семь св. храмѣ, послѣ павильковскихъ еретическихъ волненій, происходило «торжество православія» надъ всѣми ересями вообще и надъ иконоборческой, волновавшей христіанскій міръ въ теченіи послѣдняго вѣка, въ частности. Жаль было проходить мимо, не останавливаясь; и если еще, не осмотрѣвъ города, можно было утѣшать себя тѣмъ, что только «видъ съ моря на городъ прекрасный, а самъ по себѣ онъ не привлекателенъ, такъ какъ его «улицы тѣсны и грязны въ высшей степени²⁾» (хотя и это было нѣсколько похоже на Крыловскую лисицу у винограда); то не осмотрѣть святыни его было боль-

1) Таково извѣстное преданіе о священникѣ, сирывшемся со св. Дарамъ въ стѣнахъ храма при вятіи его и вѣнцомъ оттуда выйти съ ними для окончанія Литургіи, когда онъ снова будетъ возвращенъ православію (Марковъ—стр. 18. Шеланг.—стр. 143—144 и «храмъ св. Софіи въ К., обр. турками въ мечеть» СПб. 1877 г. стр. 29). Очевидно, преданіе о возвращеніи Константинополя къ христіанамъ извѣстно и туркамъ, почему они и захватили такъ называемыя золотыя ворота, такъ какъ, по народному преданію, этими именно воротами должны войти христіане для освобожденія Византіи и изгнанія ихъ изъ Европы (Шеланг. стр. 55).

2) Еп. Арсеніа, «св. гр. Іерусалимъ»—стр. 7.

шой невозградимой потерей; а въдь, помимо св. Софіи, здѣсь интересно бы посмотрѣть Константинопольскую патриархію—такъ называемую «Великую церковь» съ ея святынями¹⁾, «Живописный Источникъ», почитаемый не только христіанами, но и магометанами, Вселенскую Церковь Божіей Матери, извѣстную намъ по тому событію въ ней, которое у насъ доселѣ празднуется 1-го Октября, хотя у грековъ, какъ это ни странно, этотъ праздникъ давно уже забытъ²⁾.

Поэтому то и жаль было, что на воротахъ Стамбула для насъ, желавшихъ попасть туда, на этотъ разъ невидимыми буквами были начертаны тѣже слова «оставь всякую надежду» (т. е. войти въ него), какія были на вратахъ Дантоваго ада и служили приговоромъ для пошавшихъ туда и желавшихъ вырваться оттуда. Кто знаетъ, приведетъ ли Богъ даже мимо, какъ теперь, еще разъ пройти, а тѣмъ болѣе зайти въ этотъ церковно и гражданско-историческій городъ.

Съ этими грустными мыслями и чувствами приходилось посылать мысленный прощальный привѣтъ городу и поклонъ св. Софіи до тѣхъ поръ, пока она не смѣшалась въ группѣ другихъ мечетей и зданій. Все только что мимоходомъ видѣнное наводило затѣмъ на досугъ на многія размышленія и, между прочимъ, думалось: скоро ли придетъ то вождедѣльное время, когда, по общему убѣжденію всѣхъ грековъ, единовѣрное государство разобьетъ скопящуюся Византію мусульманскія рабскія цѣпи и на хравѣ св. Софіи ярко засіяетъ, какъ нѣкогда сіялъ, св. крестъ вмѣсто замѣнившаго его магометанскаго полумѣсяца; тѣмъ скорѣе бы хотѣлось дожить до этого, отраднаго для всего христіанскаго міра, времени, что, по тому же убѣжденію Грековъ, это православное государство—спаситель Византіи—есть Россія!

За Константинополею вступаемъ въ Мраморное море; берега еще далѣе отодвигаются въ ту и другую сторону, однако совѣтъ не скрываются, а все время остаются на виду, хотя по сравненію съ берегами Чернаго моря и Босфора очень низменны. Это даетъ возможность увидѣть вдали на правомъ (Европейскомъ) берегу высокой памятникъ Сантъ-Стефанскаго договора, золоченный крестъ котораго ярко блестѣлъ на солнцѣ. Здѣсь то въ Турецкую кампанію, предпринятую для освобожденія единовѣрныхъ намъ братьевъ—славянъ отъ тяжелаго турецкаго варварства и фанатизма, рус-

¹⁾ По сообщенію пр. Арсенія, тамъ сохранились: часть столба, въ коему былъ привязанъ І. Хр., мощи свв. Евѣміи, Соломона и Θεοφανіи и каяедра св. Іоанна Злат. (ibid, стр. 8).

²⁾ Подробнѣе см. у Пр. Арсенія въ назв. кн. стр. 7—13.

скія войска остановили свое побѣдоносно завоевательное движеніе и въ виду Константинополя, къ которому такъ рвались сердца всѣхъ, должны были вернуться во свояси.

Въ 9 ч. у. всѣ судовые часы (одновременно движущіеся электрическими токомъ), сообразно съ мѣстными временемъ, были пріостановлены на 20 минутъ.

По случаю воскреснаго дня въ 10 ч. по новому времени, пользуясь спокойнымъ состояніемъ моря, отслужили «Обѣдницу»¹⁾. Это была первая и, какъ оказалось потомъ, послѣдняя праздничная служба въ морѣ—на ходу за все время мѣсячнаго плаванія, такъ какъ въ слѣдующее воскресенье богослуженіе, вслѣдствіе сильной качки, было отиѣнено, а затѣмъ воскресные дни приходились во время стоянокъ въ городахъ.

За молебномъ какъ то сильнѣе и одушевленнѣе звучали слова молитвы къ Спасителю, какъ «упованію всѣхъ концевъ земли и сушихъ въ мори далече»; думается, усерднѣе внимали этимъ словамъ и съ большимъ чувствомъ присоединялись къ этой молитвѣ и всѣ присутствовавшіе, ибо теперь они молились не только за другихъ, но, прежде всего, за самихъ себя, а вѣдь, какъ что ни говори, а «своя рубашка ближе къ тѣлу».

Переходъ по Мраморному морю былъ только тѣмъ хорошъ, что и здѣсь, какъ въ Черномъ морѣ, было вполнѣ спокойно; но интереснаго вокругъ ничего не было: встрѣчавшіяся изрѣдка небольшія острова, представляя изъ себя груды скалъ, лишены всякой растительности и, повидимому, необитаемы, но крайней мѣрѣ на нихъ не было видно, какъ говорится, «ни одной живой души» и даже никакихъ признаковъ жизни. Точно также пустынные и безжизненные низкія приморскія берега. Только при входѣ въ Дарданельскій проливъ на Европейскомъ берегу его увидѣли городъ Галлиполи; снова сдвинувшіеся холмистые берега, покрытые зеленѣющей растительностью, имѣли болѣе пріятный видъ. Общее впечатлѣніе мирной идиллической картины и здѣсь, какъ въ Босфорѣ, нарушали настроенныя по обѣимъ берегамъ пролива земляныя батареи, изъ за которыхъ, какъ шпионы, выглядывали мрачныя пушки. По мѣстамъ сохранились развалины

¹⁾ Подъ обѣдницей, совершаемой на военныхъ судахъ разумѣется не «Чинъ изобразительныхъ», указанный въ «Часословахъ» и совершаемый, обыкновенно, во св. Четырдесятницу, а въ деревняхъ, имѣющихъ только «Часовни», и въ теченіе всего года, а Литургія съ пропускомъ всего, относящагося къ совершенію Евхаристіи.

древнихъ каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ съ большими отверстіями для пушекъ и съ башнями по угламъ.

Близъ г. Дарданеллъ стоитъ турецкая эскадра, проходя мимо коей яхта сдѣлала привѣтственный салютъ въ 17 выстрѣловъ, на который съ корабля главнаго адмирала турецкой эскадры отвѣтили тѣмъ же. Всѣ корабли эскадры стариннаго устройства, напоминающіе наши затопленные при оборонѣ Севастополя въ его сѣверной бухтѣ, модель коихъ хранится въ музеѣ этой обороны.

Самый городъ (Дарданеллы), расположенный на Азіатскомъ берегу пролива (его имени), соединяющаго Мраморное море съ Архипелагомъ, не особенно великъ, и лучшая часть его, гдѣ находятся зданія всѣхъ консульствъ, расположена по набережной; на зданіи русскаго вице-консульства взвился національный флагъ, какъ салютъ проходившей мимо Р. Императорской яхтѣ. «Противъ города на Европейскомъ берегу стоитъ ветхое старинное укрѣпленіе и тутъ же новѣйшія батареи; (недаромъ) турецкое названіе этой мѣстности въ русскомъ переводѣ значитъ «ключъ моря. (Въ 5 ч. в.), по выходѣ изъ узкаго Дарданельскаго пролива въ море, взору нашему представляются на лѣвой сторонѣ удаляющіеся все далѣе берега съ возвышенностями; на разстояніи двухъ часовъ плаванія въ направленіи ихъ можно достигнуть тѣхъ береговъ, къ которымъ пристали древніе ахейцы для осады классической Трои, находящейся въ трехъ часахъ пути отъ морскаго берега»¹⁾). Погода не переиживается, такъ что третье море идемъ «штилемъ». Когда совсѣмъ стемнѣло, неподвижныя ярко блестящія слѣва отъ насъ огни маяковъ, означали близость острововъ архипелага.

Справа въ сторонѣ, ближе къ Европейскому берегу, оставался островъ Лемносъ, а нѣсколько далѣе слѣва — ближе къ Малоазійскому — Митилена и Хиосъ, имена коихъ когда то въ дѣтствѣ заучивались почти безсознательно, большею частью при помощи ихъ созвучія и иногда съ досадою на ихъ количество, и только впоследствии, при изученіи древней исторіи, съ каждымъ изъ нихъ стало соединяться то или иное событіе, тотъ или иной мифъ и та или иная героическая и вообще выдающаяся личность. Жаль, что не пришлось не только посѣтить хотя одинъ изъ нихъ, но даже издали при дневномъ свѣтѣ посмотреть на нихъ.

1) Еп. Арсеній Сух. «сп. гр. Герус.» стр. 15—16.

Утромъ 19-го числа часы еще пріостановлены на 20 минутъ. Доселѣ все спускались «на югъ»; теперь при выходѣ изъ Архипелага въ Средиземное море, курсъ постепенно мѣняется и кладется «на западъ». Въ 11 ч. утра проходили между мысомъ Малеа (на одной изъ конечностей Баданскаго полуострова) и островомъ Чернаго; и тотъ, и другой не представляютъ ничего интереснаго для наблюденій, не производятъ никакого впечатлѣнія, а потому не могли и оставить о себѣ никакихъ воспоминааній. Все почему то стали говорить, что за слѣдующимъ мысомъ Матапаномъ «качнетъ»; къ сожалѣнію, ожиданія оправдались. Такимъ образомъ это плаваніе вышло совершенно противоположно прошлому (на пути въ Севастополь): тогда Средиземное море пропустило, а Черное «трахнуло», теперь—последнее было спокойно, а первое взволновано. Итакъ здѣсь то суждено было мнѣ пріучаться по настоящему «моряковать» и, по выраженію моряковъ, принять «морское крещеніе». Въ часъ дня, едва вышли изъ за мыса (Матапана), какъ открылась сильная «кулевая» (т. е. продольная качка; получилась на яхтѣ такая грандіозная качель, что только за взятіемъ морякамъ да пожалуй еще любителямъ сильныхъ ощущеній ни почему было стоять на бакѣ (носу) и ютѣ (корнѣ) яхты—оконечностяхъ этой качели, а новичкамъ, какъ я, особенно съ слабой головой и желудкомъ и вообще некрѣпкимъ организмомъ приходилось искать убѣжища около середины судна, гдѣ качка значительно слабѣе, и уже отсюда съ замираніемъ сердца наблюдать, какъ носъ яхты то высоко-высоко поднимался, какъ будто она взбиралась на крутую гору, то вдругъ опускался, какъ будто она падала въ бездну, отъ одного созерцанія этой картины рябило въ глазахъ и кружилась голова, а стоило стать тамъ хотя на нѣсколько минутъ, какъ вскорѣ духъ захватывало, когда судно, подкинувъ васъ на головокружительную высоту, сразу падало, такъ что у васъ какъ будто моментально ускользала почва изъ подъ ногъ, и вы стремглавъ опускались внизъ, причемъ, теряя равновѣсіе, рисковали всякій разъ упасть. Нѣсколько иное ощущеніе испытывается, когда въ такую качку стоишь на ютѣ: самая качка здѣсь слабѣе, чѣмъ на бакѣ (это потому, что судно, превращаясь въ качель, точку опоры имѣетъ не на срединѣ своей, а ближе къ юту—корнѣ, почему эта половина качели, какъ меньшая по длинѣ, имѣетъ и меньшіе размахи); но за то, когда налетѣвшая волна сильно подхватывала корму, лопасти скрывающихся подъ ней подводныхъ винтовъ (замѣняющихъ колеса у ручныхъ судовъ), псказываясь изъ воды наружу, начинаютъ вращаться быстрѣе нормы,

вследствіе чего происходитъ такъ называемый «перебой», отъ котораго все судно приходитъ въ сотрясеніе, особенно ошутительное на ютѣ, какъ расположенномъ прямо надъ винтами. Поэтому то было не до наблюдений и всевозможныхъ экспериментовъ; приходилось поскорѣе по добру по здорovu убирать ноги, уходить, какъ я выражался, въ затворъ, переселяться изъ своей каюты «неспокойной», какъ помѣщающейся въ носовой части яхты, болѣе другихъ подверженной качкѣ, въ одну изъ болѣе «спокойныхъ» каютъ, ближе къ срединѣ яхты, менѣе подверженной качкѣ, и тамъ оставаться «на пищѣ св. Антонія», потому что, кому какъ, а мнѣ опытъ показалъ, что свободный желудокъ лучше не беспокоить во время качки, устраняя тошноту и давая возможность сохранить болѣе свѣжую голову. Приходилось «поднять флагъ отдыха» ¹⁾ и держать его, какъ потомъ оказалось, вмѣсто двухъ обычныхъ часовъ—20, потому что качка продолжалась вплоть до утра, такъ что нельзя было ни выйти изъ каюты, ни даже сойти съ койки весь день (19 го) и всю ночь на (20-е). Однако въ новомъ убѣжищѣ—затворѣ было свое неудобство (сравнительно съ собственной каютой): это постоянный шумъ и отъ винтового вала, вращавшагося гдѣ то внизу подъ каютой, и отъ волнъ, хлеставшихъ въ иллюминаторѣ ²⁾. 20-го числа къ 8 часамъ утра качка начала стихать, потому что были уже близко (хотя и не видно ихъ еще было) берега Аппенинского полуострова, за которыми мы и скрывались отъ вѣтра и отъ волны. Черезъ часъ на горизонтѣ справа начинаютъ вырисовываться снѣжныя вершины Аппенинъ, а черезъ часъ—слѣва—берега острова Сицилія, а вдали показалась скрывающаяся своей вершиной въ облакахъ какъ въ туманѣ Эгна. Чѣмъ далѣе, тѣмъ разстояніе между островомъ и полуостровомъ болѣе суживается, и берега того и другого все болѣе и болѣе становятся доступными глазу сначала вооруженному биноклемъ, а потомъ и невооруженному. Въ полдень входимъ въ Мессинскій проливъ, и взору открывается картина, на мой взглядъ, мало уступающая по своей красотѣ предестямъ Босфора: справа по берегамъ Калабріи тянутся безконечной вереницей по склону горъ, покрытыхъ зеленью, и небольшіе города, и какъ бы отдѣльныя приморскія дачи, среди коихъ болѣе другихъ выдѣляется г. Реджіо; всѣ они связаны

¹⁾ Время полуденнаго отдыха (съ 12 до 2-хъ) на военныхъ судахъ объявляется поднятіемъ на флагъ—мачтѣ (средней) флага, означающаго начальную букву слова: „отдыхъ“¹⁴, отсюда и приведенное выраженіе моряковъ, называющихся вздремнуть.

²⁾ Т. е. овно, а верхній рядъ ововъ на яхтахъ называется „полубортными“.

жду собой желѣзнодорожнымъ путемъ, который по самому берегу моря и по многочисленнымъ перекинутымъ чрезъ горныя рѣчки, впадающія въ море, и долины юстамъ тянется, очевидно, вокругъ всего Аппенинскаго полуострова, скрывая его у прибрежныхъ горъ какъ бы желѣзнымъ кольцомъ. Хорошо видно, какъ параллельно съ нами мчится тамъ поѣздъ; хочется ему обогнать и скрыться изъ нашихъ глазъ, но это ему не удается; идетъ онъ развѣ немного быстрее яхты, а между тѣмъ ему приходится останавливаться почти на каждомъ шагу, какъ говорятъ, — у каждого городка и мѣстечка, чрезъ каждыя пять минутъ, что даетъ намъ возможность не отставать отъ него и долго слѣдить за нимъ. Не мѣнѣе красивъ и лѣвый берегъ пролива: Сицилія споритъ съ Италіей и если не превосходитъ ее красотами природы, то и не уступаетъ ей. Въ самомъ проливѣ и ближе къ выходу изъ него (по пути съ востока на западъ) у подножія прибрежной горы расположился одинъ изъ двухъ главныхъ городовъ острова (Сицилія) — Мессина, славящійся апельсинами, а потому извѣстный не только изучавшимъ географію, но и незнакомымъ съ нею специалистамъ по фруктовой части и вчастности любителямъ апельсиновъ (последнимъ онъ извѣстенъ, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ первымъ), потому что эти фрукты, откуда бы они на самомъ дѣлѣ не происходили, какого бы сомнительнаго внутренняго свойства и непривлекательнаго наружнаго вида ни были, болшею частію своими «спекуляторами» (особенно изъ «князей» — послѣдователей Магомета) выдаются за Мессинскія. Если все то, что представлялось сплошнымъ строеніемъ, принадлежало Мессинѣ и входило въ черту города, то городъ — очень большой и не только торговый, какъ лежащій на такомъ бойкомъ морскомъ пути, по которому тянется масса судовъ, изъ коихъ очень многіе пассажирскіе и грузовые пароходы заходятъ въ его гавань, но и промышленный, судя по обилію заводскихъ и фабричныхъ трубъ. Даровое дивное зрѣлище, доставленное намъ красотами Мессинскаго пролива, продолжалось, какъ и въ Босфорѣ, болѣе часу, и было вдвойнѣ пріятно оттого, что всѣ, накануне измученные качкой, за это время въ его затишьи успѣли вздохнуть, освѣжиться и подкрѣпиться, заранѣе готовясь къ новымъ «испытаніямъ». Тоскливое настроеніе не замедлило явиться и отъ однообразія окружающей картины и еще болѣе отъ непріятныхъ ощущеній сильной качки вскорѣ по выходѣ изъ пролива около часу дня: если еще слѣва берегъ (Сицилійскій) долго оставался у насъ на виду, то справа Калабрійскій какъ то сразу далеко отодвинулся отъ насъ, а затѣмъ скоро

и совѣтъ скрылся изъ глазъ; снова открылось предъ нами безконечное море еще болѣе грозное и бурное, чѣмъ по ту сторону острова и полуострова; оно какъ будто въ засадѣ поджидало насъ, и едва яхта вышла изъ своего убѣжища, какъ оно сразу накинулось на нее, какъ бы желая вдвойнѣ измучить насъ за тотъ кратковременный покой, который мы имѣли въ проливѣ, спрятавшись за берегами Калабріи и Сициліи какъ бы берегами чудной созданной самой природой южной Севастопольской бухты или за стѣнами (молозъ) искусственно-сооруженной гавани, и еще болѣе — за то часовое неизяснимое и неподдающееся описанію удовольствіе, которое испытали тамъ «на ходу». Снова пришлось «уходить въ затворъ»; но на этотъ разъ и онъ не спасъ не только отъ головной боли, но и отъ всѣхъ перипетій такъ называемой «морской болѣзни». Хорошо, что не особенно долго (часовъ 6 или 7) пришлось страдать, такъ какъ, по заранѣ составленному маршруту, 1-я остановка назначена была въ г. Палермо, куда мы и пришли въ тотъ день (20-го) въ 7^{1/2} ч. веч., пройдя въ 80 час. 1236 миль или 2163 версты и дѣлая въ среднемъ по 15^{1/2} миль или 27 вер.

Было уже совѣтъ темпо, когда зашторили машину и стали жечь бенгальскіе огни какъ сигналъ для вызова лоцмана¹⁾. Въ ожиданіи его всѣ столпились на верхней палубѣ, какъ бы желая сквозь мракъ ночи увидѣть скрывающуюся въ немъ уже заснувшій городъ; сквозь плотно опущенныя жалюзи не видно было огней въ домахъ, какъ будто ихъ обитатели уже заснули; зато набережная была освѣщена электрическими фонарями на славу, да по поперечнымъ удалявшимся въ горы улицамъ города видны были стройные ряды не особенно яркихъ фонарныхъ огней, а на продолжныхъ улицахъ послѣдніе совѣтъ скрывались за высокими сплошной стѣной стоявшими зданіями. Такимъ образомъ нельзя было даже «бросить бѣглый взоръ» на городъ издалека, а ѣхать тотчасъ на берегъ, чтобы осматривать его вблизи и «въ тиши ночного мрака» ни у кого не было никакой охоты, да и не до того всѣмъ было: за трое сутокъ непрерывнаго перехода всѣ изрядно поутомились — кто отъ всевозможныхъ «вахтъ», кто отъ испытанной въ послѣдніе два дня «встряски» на Средиземномъ морѣ, а потому, наскоро подкрѣпившись, всѣ не по обычаю скоро изъ каютъ-компаніи разбрелись по своимъ каютамъ и, выражаясь высокими слогами, охотно отдались въ объятія Морвея. Даже часамъ снова былъ данъ отдыхъ на 20 ми-

¹⁾ Онъ вводитъ судно въ гавань и указываетъ ему много стоянки, чего не можетъ судно сдѣлать самостоятельно въ иностранномъ портѣ.

нуть; такимъ образомъ насъ отдѣляло отъ родного Крыма не только значительное пространство, но и время, такъ какъ мы жили теперь часомъ позже его. Но это не отдаляло, а, кажется, еще болѣе сближало каждого съ покинутой на время родиной и со всѣми дорогими сердцу ея обитателями. На чужой сторонѣ, среди чуждаго народа, какъ будто одушевленнѣе и прочувствованнѣе раздавалась въ ночной тиши и мракѣ общая вечерняя молитва на чуждой для всего окружающаго, но какъ будто здѣсь — на чужбинѣ болѣе, чѣмъ «дома», родномъ славянскомъ нарѣчьи за своего Царя-Батюшку и родину-матушку. Вѣроитно, задушевиѣе и сердечиѣе были и письма къ роднымъ, которыя, вслѣдъ за телеграммами, на второй же день полетѣли во всѣ концы матушки Россіи съ видами острова Сициліи и города Палермо на бумагахъ и итальянскими марками на конвертѣ.

(Продолженіе впродъ).

Воспоминанія и впечатлѣнія перваго судового священника во время
заграничнаго плаванія въ 1900 г.

(Отъ Чернаго моря до Балтійскаго).

(Окончаніе ¹).

21 числа часовъ въ 5 утра я вышелъ къ общей утренней молитвѣ, и взору моему представилась слѣдующая пріятная картина. Море вѣзало въ островъ полукругомъ, образовавъ, такимъ образомъ, пригородную бухту, съ сѣверной—открытой для него—стороны искусственно защищенную отъ него молемъ, за которымъ въ ряду всѣхъ разношерстныхъ и чумазыхъ грузовыхъ пароходовъ всѣхъ націй стояла наша красавица—яхта. Справа возвышалась въ видѣ грандіознаго камня или скалы «monte pellegrimo» — гора пиригриновъ—по коей до самой вершины вилась тропинка, откуда, вѣроятно, открывался чудный видъ на море и окрестности города; у самой подошвы этой горы «Hotel», въ коемъ, какъ говорятъ, останавливался, проездомъ по Средиземному морю, Государь Императоръ Николай I-й ⁽²⁾.

По всему берегу бухты выступала благоустроенная широкая набережная, за которой, у подножья обступающихъ заливъ горъ, расположился большой правильно построенный (съ пересѣкающимися улицами) городъ со множествомъ храмовъ (католическихъ) ⁽³⁾. За городомъ между даже полураздвинувшихся горъ уходила вдале острова глубокая долина, сплошь покрытая, какъ и склоны обступающихъ ее горъ, зеленѣвшеюся растительностью. При свѣтѣ восходившаго солнца почти сплошь бѣлая зданія города издали какъ то пріятно выступали правильными рядами и какъ-бы стѣнами. (Далеко не такъ красивъ и изященъ ихъ видъ оказался вблизи). Тотчасъ послѣ подъема флага яхта сдѣлала салютъ націи въ 21 выстрѣлъ; съ крѣ-

⁽¹⁾ См. Вѣстникъ В. Д., № 16.

⁽²⁾ Это то особенно и змѣстивали на видѣ владѣтели или распорядителя «hôtel'a», пріѣхавъ на яхту съ предложеніемъ осмотрѣть «hôtel», такъ какъ въ городѣ прошла молва, что на яхтѣ прибыла коммисія съ цѣлью присканія удобнаго помѣщенія для Государя Императора, которому предложено—до вѣрчанъ, для полнаго восстановленія силъ послѣ пережитой болѣзни, пожить гдѣ либо въ югѣ Франціи или Италіи и, въ частности, указано на Сицилію и даже на Палермо.

⁽³⁾ Кто то изъ почитателей яхты говорилъ, что въ Палермо до 300 храмовъ; очевидно, онъ при этомъ имѣлъ въ виду и домовые, которыхъ, вѣроятно, гораздо болѣе, чѣмъ приходскихъ, такъ какъ этихъ послѣднихъ, хотя въ общемъ и не мало, по, какъ мнѣ показалось, далеко много меньше указаннаго количества.

ности послѣдовала же 21 выстрѣлъ въ отвѣтъ. Вскорѣ пріѣхала на яхту съ визитомъ французскій консулъ, какъ исполняющій вмѣстѣ обязанности и русскаго консула, почему яхта, провожая его, отсалютовала ему семью выстрѣлами. А такъ какъ одна изъ пушекъ, употребляемыхъ для салюта, стоитъ какъ разъ надъ каютой священника, то, вслѣдствіе раздалась команда комендорамъ: «приготовиться къ салюту», я тоже принялъ это къ свѣдѣнію, только по своему готовился къ нему, стремглавъ убѣгая изъ каюты и спасаясь отъ него гдѣ нибудь въ кормовой части. — Затѣмъ обмѣнялись визитами съ единственнымъ ставшимъ здѣсь военнымъ итальянскимъ судномъ, съ коего поздравляли насъ съ приходомъ и просили при этомъ сообщить имъ письменно на особой оставленной ими карточкѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о яхтѣ и ея составѣ. Въ этотъ день я не съѣзжалъ на берегъ, любуясь почти весь день видомъ, открывавшимся съ яхты на все окружающее и наслаждаясь прелестью чуднаго свѣтлаго и теплаго дни. Вокругъ яхты толпилась масса лодочекъ; тутъ были и музыканты съ разными музыкальными инструментами, подъ аккомпаниментъ коихъ раздавалось пѣніе уличныхъ итальянскихъ «артистовъ»-пѣвцовъ, желавшихъ удивить русскихъ матросовъ своимъ визгливымъ и крикливымъ пѣніемъ; тогда такъ удавалось лишь разжалобить ихъ своимъ жалкимъ видомъ; больше же всего явилось въ нихъ мелкихъ торговцевъ, часть коихъ была допущена на яхту и расположилась съ своими товарами на бакѣ къ услугамъ матросовъ. Большой успѣхъ имѣли продавцы фруктовъ; да и неудивительно: каждый спѣшилъ купить десятокъ апельсинъ за цѣну одного апельсина въ Россіи; по той же цѣнѣ шли и мандарины; покупали и лимоновъ «къ чаю»; ихъ давали—три на копейку, а на 50 коп. буфетчику безъ счету дали цѣлую корзину и притомъ такихъ крупныхъ, какихъ у насъ и по 5 коп. за штуку не найдешь; за 5 лиръ (лира=36 коп.) можно было купить пѣлый ящикъ винныхъ ягодъ вѣсомъ около 30 фун. (и не менѣе 20 ф.). Послѣ того какъ было оказано должное вниманіе фруктамъ, матросы приступили къ покупкѣ бѣлья и разныхъ бездѣлушекъ въ родѣ шкатулокъ, оклеенныхъ раковинами и украшенныхъ кораллами и съ зеркальцемъ внутри (это послѣднее «удовольствіе» стоило рубль). Правда, матросы не успѣли еще раздобыть итальянскихъ денегъ; но торговцы не брезговали и русскими серебрянными рублями и полтинниками и даже мелкимъ серебромъ, очевидно, хорошо зная ея цѣну, такъ что весь торгъ шелъ на русскія деньги. Интересно было при этомъ наблюдать, какъ происходила торговая сдѣлка между

непонимавшими другъ друга продавцемъ и покупателемъ; больше помогала мимика и наглядное (посредствомъ пальцевъ) обозначеніе цѣны въ лирахъ, которыя потомъ переводились на русскіе рубли и кофѣйки; такимъ образомъ тутъ происходило постоянное рѣшеніе арифметическихъ задачъ, такъ какъ покупателю приходилось соображать, сколько съ него просятъ, суда по числу выставленныхъ продавцемъ пальцевъ, показывали русскіе рубли и полтинники. Не удерживались при этомъ оба и отъ «разговора»; дѣлалось это, конечно, невольно, по привычкѣ послѣдняго—расхваливать товаръ и «набивать» цѣну его, а перваго—«ханить» (унижать) товаръ и сбавлять цѣну, а въ тоже время, вѣроятно, изъ желанія встрѣтить сочувствіе и поддержку среди своихъ сотоварищей по ремеслу и по службѣ.— Въ этотъ день, по предложенію каютъ-компаніи и какъ бы по наслѣдству отъ своего предѣстника, я принялъ на себя на все время заграничнаго плаванія завѣдываніе иностранными почтовыми марками, снабжать коими пришлось потомъ и всю команду; главная забота по званію «почтмейстера» заключалась въ томъ, чтобы по приходѣ въ этотъ или иной портъ поскорѣе запастись мѣстными марками и притомъ такъ, чтобы ихъ на все время достало, но при уходѣ на рукахъ не оставалось, какъ совершенно бесполезныхъ для насъ на слѣдующей стоянкѣ. Послѣ ужина (въ 7 ч.) съ берега явилась часть команды, отпущенная послѣ обѣда (въ 12 ч.) на прогулку; «гуляющіе» начали дѣлиться своими впечатлѣніями съ остальными; насколько удалось поделушати, впечатлѣнія эти были не особенно благопріятны и лестны для города и совсѣмъ не въ пользу его обитателей и всей націи; невольно при этомъ всѣ они припоминали другихъ иностранцевъ (французовъ), среди коихъ они прожили $\frac{3}{4}$ года и вниманіемъ и любезностью которыхъ они были очарованы. Между прочимъ они заинтересовали меня, рассказывая, что въ городѣ они отъ кого то слышали, будто тамъ есть «русская» церковь. Зная хорошо, что нашей церкви здѣсь нѣтъ, я недоумѣвалъ, что бы это значило, тѣмъ болѣе, что не могло быть здѣсь и греческой церкви, которую, какъ родную мать по духу и очень близкую по внутреннему убранству, могли выдать за нашу; все это сильно меня заинтересовало. Загадка эта разъяснилась для меня и притомъ воочию только на слѣдующій день (22-го числа). Бывшій съ визитомъ французскій консулъ между прочимъ предложилъ каютъ-компаніи устроить загородную прогулку (на электрическомъ трамваѣ) въ такъ называемую «старую деревню», гдѣ есть достопримѣчательный древній католическій монастырь «Mongreale»; желающихъ нашлось девять человекъ;

заѣхали за консуломъ, такъ какъ онъ любезно предложилъ быть нашимъ «чичероне». На пути въ «Mongraie» зашли въ монастырь «капуциновъ»; любопытны здѣсь катакомбы, наполненные гробами съ высушенными и выставленными напоказъ покойниками⁽¹⁾; тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти, даже младенцы; были тутъ и «птеры», и монахи-капуцины, но больше миряне; все это, конечно, жалкіе скелеты съ едва уцѣлѣвшей, высохшей въ листъ бумаги, кожей и въ подуистлѣвшихъ погребальныхъ костюмахъ; особымъ вниманіемъ пользуется какой-то генераль—сподвижникъ знаменитаго героя Италиі—Гарибальди, у коего сохранились усы, борода и волосы на головѣ. — Двое изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ, ранѣ побывавшіе здѣсь, не безъ нѣкотораго содроганія и отвращенія вспоминали эти катакомбы съ ихъ спертымъ воздухомъ и странными обитателями; но намъ всеѣмъ ни воздухъ ихъ не показался особенно душливымъ и «спиртуознымъ», ни самое зрѣлище въ нихъ—удручающе-непріятнымъ, хотя, конечно, и пріятнаго было не много видѣть «во гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту безобразну, безславну, не имущую вида» (церк. п. при погр.). И неужели, думалось при этомъ, находится желающіе выставять себя напоказъ въ такомъ непривлекательномъ видѣ и родные ихъ соглашаются на это. Правда, съ преданными землѣ, согласно изреченному Богомъ Адаму приговору («земля еси и въ землю отыдеши» Быт. 3, 19), происходитъ, можетъ быть, даже болѣе непріятная метаморфоза и въ заключеніе полное уничтоженіе вида; но, во-1-хъ, мы этого не видимъ и въ нашемъ представленіи навѣки сохраняется милый образъ дорогихъ сердцу существъ въ томъ еще сохранившемся видѣ, въ какомъ они ушли а, во-2-хъ, по моему, лучше полное уничтоженіе, чѣмъ превращеніе въ жалкое подобіе челоуѣка. — Пока мы были въ катакомбахъ, двое нашихъ спутниковъ, бывшіе здѣсь ранѣ, въ это время осматривали близъ лежащее кладбище и остались очень довольны, увидѣвъ и прекрасные надгробные памятники и такую чистоту и убранство могилъ, какая, по ихъ мнѣнію, рѣдко встрѣчается на нашихъ каадбищахъ даже лучшихъ изъ провинціальныхъ городовъ. Какъ бы то ни было, но и намъ пріятно было выбраться изъ полумрака подземелья на полный свѣтъ, отдохнуть полной грудью на свѣжемъ, а не подземномъ

(1) Для этого, какъ объяснилъ сопровождавшій насъ монахъ, гробъ съ тѣломъ ставился въ особо-приспособленное для того углубленіе въ стѣнѣ, гдѣ вакуировался такъ, что воздухъ не проникалъ туда, почему избѣжалъ полного разложенія, такъ что чрезъ годъ вынимался оттуда въ видѣ скелета. Теперь уже 20 лѣтъ, какъ запрещено производить такія операціи; поэтому и позволенія этой, впрочемъ и безъ того богатой, странной коллекціи не происходитъ.

воздухъ и, послѣ жилища тѣней и скелетовъ, видѣть кипучую жизнь подобныхъ себѣ. Меланхолическое настроеніе, навѣянное катакомбами, особенно быстро разсѣялось, когда сѣли въ вагонъ электрическаго трамвая и двинулись въ путь къ прямой цѣли нашей прогулки — «Старой Деревнѣ». Едва выбрались изъ черты города, какъ дорога сразу замѣтно пошла въ гору; чѣмъ выше забирались, тѣмъ восхитительнѣе открывался видъ и позади насъ на покидаемый нами городъ, раскинувшійся далеко внизу у берега моря, и предъ нами — на древній «Mopgeale», въ видѣ крѣпости расположившійся за своими стѣнами на вершинѣ горы, и вокругъ насъ справа — на склонѣ горы, слѣва — на глубокую долину, на днѣ коей тамъ и здѣсь ютились среди сплошныхъ лимонныхъ и апельсиновыхъ рощъ невзрачныя съ виду и по величинѣ (можетъ быть по причинѣ удаленности) домики, если къ этому добавитъ, что по ту и по другую сторону пути стѣной стояли лимонныя деревья, обильно покрытыя созрѣвавшими уже плодами, то можно себѣ представить, что испытывалъ каждый изъ насъ, особенно кто дотолѣ не видѣлъ въ жизни ничего подобнаго. Черезъ полчаса пути мы добрались до крайняго пункта и, выйдя изъ вагона, немедленно направились въ монастырь, гдѣ катати такъ усердно, хотя и неблагозвучно, въ это время звонили къ мессѣ. Совѣтъ монастырскій храмъ не представляетъ ничего особеннаго: нѣтъ въ немъ ни изящества и красоты новѣйшихъ храмовъ, ни какой либо оригинальности и даже массивной солидности древняго сооруженія. Но, взамѣнъ этого, войдя во храмъ, всѣ пріятно были поражены сразу представившейся нашему взору его внутренностью и, въ частности, его стѣнной мозаикой. Храмъ имѣетъ форму древней базилики, двумя рядами изящныхъ колоннъ раздѣляясь на три «корабля», причеиъ арками колоннъ поддерживаются верхнія стѣны, такъ что храмъ въ два свѣта. За то стѣнная мозаика древне-византійскаго характера произвела такое впечатлѣніе, какъ будто мы вошли въ нашъ древній русскій православный храмъ, не доставало только для полной иллюзии иконостаса, который скрылъ бы отъ насъ главный престолъ, стоящій не у самой восточной стѣны, а поодаль, какъ и у насъ, такъ какъ за нимъ въ небольшихъ выступахъ устроены другіе маленькіе алтари съ престолами. Тутъ я понялъ, о какомъ здѣшнемъ «русскомъ» храмѣ слышали наши матросы въ городѣ. Вотъ прямо предъ взоромъ входящаго въ храмъ вверху алтарной стѣны мозаичное изображеніе Спасителя совершенно такое же, какое мы привыкли видѣть на образахъ такъ называемаго древняго греческаго письма. Стѣны храма сплошь покрыты такими же картинами изъ священной

исторіи ветхаго и новаго завіта, близко напоминающими такія же (только живописныя, а не мозаичныя) изображенія въ нашихъ древнихъ храмахъ (напр. въ Московскихъ кремлевскихъ соборахъ). Нѣтъ нужды и возможности описывать и даже перечислять всѣ эти картины на библейскія темы; о многочисленности ихъ можетъ свидѣтельствовать тогъ фактъ, что, хотя здѣсь нашли себѣ мѣсто всѣ главныя священно-историческія событія, однако же многія изъ нихъ иллюстрированы нѣсколькими картинками, изображающими, такъ сказать, различные фазисы или моменты того или иного событія. Такъ изображенію «всемірнаго потопа» предшествуютъ изображенія сооруженія Ноемъ ковчега и населенія его животными, при чемъ въ томъ или другомъ случаѣ самъ патриархъ принимаетъ непосредственное дѣятельное участіе: въ первомъ случаѣ самъ онъ работаетъ топоромъ, во второмъ — самъ онъ вталкиваетъ въ ковчегъ упорную овцу. Есть и оригинальныя какъ бы аллегорическія изображенія. Такъ за картиной братоубійства (Каиномъ Авеля) слѣдуетъ такая: предъ мрачнымъ, смотрящимъ въ землю человѣкомъ, въ облакахъ явившійся Богъ, очевидно, обличающій его и при этомъ указывающій ему на парашаго между ними съ простертыми къ Богу руками маленькаго человѣка (въ видѣ коего наши древніе «художники» обыкновенно изображали человѣческую душу); очевидно, это въ лицахъ иллюстрація обличительныхъ словъ Бога къ Каину: «гласъ крове брата твоего вошеть ко Мнѣ отъ земли» (Быт. 4, 10).

Жаль, что не было времени детально разсмотрѣть всѣ картины, изъ коихъ нѣкоторыя въ числѣ новозавѣтныхъ возбуждали въ насъ недоумленіе неясностью и даже странностью своего сюжета или темы (если не сказать болѣе). По аналогіи съ только что описанной ветхозавѣтной картиной можно думать, что это аллегорическія изображенія или лицевыя иллюстрація къ новозавѣтному тексту. Въ сопровожденіи одного изъ церковниковъ направлялись къ осмотру многочисленныхъ, такъ сказать, второстепенныхъ алтарей храма, расположенныхъ по восточной стѣнѣ его вокругъ главнаго престола, при чемъ нашъ проводникъ обратилъ наше вниманіе на массивность этого послѣдняго, сдѣланнаго изъ серебра; только едвали онъ кого изъ насъ удивилъ; бывавшіе въ главныхъ храмахъ нашихъ столицъ и даже въ соборныхъ храмахъ провинціальныхъ городовъ, конечно видѣли тамъ не менѣе массивныя и драгоценныя серебряныя престолы и цѣлыя иконостасы. — И въ алтаряхъ замѣчательно то, что древнѣйшія изъ нихъ по своему открытію характеромъ своего внутреннего убранства близко подходятъ къ алта-

рямъ восточныхъ храмовъ; по цѣлому ряду алтарей, устранявшихся въ разное время постепенно одинъ за другимъ, можно даже прослѣдить исторію постепеннаго уклоненія и отдаленія въ этомъ отношеніи западной церкви и отъ духа восточной. Въ новѣйшихъ алтаряхъ уже поставлены мраморныя статуя предъ престоломъ Спасителя и «Мадонны», а вокругъ — не только пророковъ и апостоловъ, но и «святѣйшихъ» панъ древнихъ и новыхъ то колѣно-преклоненныхъ предъ Богоматерью, то благословляющихъ всякаго взирающаго на нихъ. Всѣ эти статуи, очевидно, произведенія лучшихъ скульпторовъ, какъ можно судить по ихъ художественной отдѣлкѣ, и далеко превосходятъ всѣ тѣ многочисленныя статуи святыхъ и особенно панъ, кои, обыкновенно, «украшаютъ» (хотя очень плохо, ибо многія изъ нихъ съ отбитыми носами, ушами, головными уборами и нуждаются въ ремонтѣ, а всѣ вообще — въ окраскѣ, такъ какъ сильно полиняли) ограды городскихъ храмовъ, наипаче — каѳедральныхъ. Такъ какъ былъ великій постъ (по нашему — 2-я недѣля его), то тамъ и здѣсь у исповѣдаленъ толпились, впрочемъ, почему то довольно маловато, желавшія очистить свою совѣсть и притомъ исключительно женщины; открывалось окошечко исповѣдальни (точь въ точь какъ у кассъ на вокзалахъ или пароходныхъ пристаняхъ) показывалась бритая физиономія почтеннаго патера и кающааяся, становясь на колѣна, чрезъ это окошечко начинала исповѣдывать грѣхи свои. Гдѣ то въ сторонѣ слышались звуки органа, слабое пѣніе, еще слабѣе старческіе возгласы патера и надоедливый почти неумолакающій звонъ колокольчика; это въ боковомъ придѣлѣ — (пристроѣ въ собственномъ смыслѣ, отдѣлявшемся отъ центрального храма не арками и колоннами, а глухой стѣной съ маленькой въ видѣ лазейки дверью) совершалась месса; войдя туда, мы были нѣсколько смущены и удивлены тѣмъ, что алтарь его былъ обращенъ какъ разъ въ противоположную сторону главному и всѣмъ прочимъ алтарямъ центрального храма. Служилъ дребезжащимъ голосомъ старичокъ-патеръ; пѣлъ, аккомпанируя на органѣ, одинъ канторъ и далеко не артистически, какъ можно было бы ожидать отъ итальянца; впрочемъ, вѣроятно, потому, что была довольно не многочисленная и не взыскательная публика; сидѣло человѣкъ 10 молящихся, опять таки однихъ женщинъ и притомъ наполовину нищихъ. — Такъ какъ спутники сѣвшили, то, при всемъ желаніи побольше остаться здѣсь и поподробнѣе осмотрѣть все видѣнное, приходилось слѣдовать за ними. Пошли посмотрѣть внутренній дворъ монастыря, куда проникли какимъ то большимъ темнымъ ходомъ, въ родѣ подъѣзда у большихъ домовъ, запер-

тымъ съ той и другой стороны желѣзными дверями, при чемъ каждый предварительно долженъ былъ внести опредѣленную лѣпту (кажется, по лирѣ), неизвѣстно, въ чью пользу. Когда открылась предъ нами вторая дверь, и мы увидѣли этотъ внутренней дворъ, то всѣ невольно воскликнули въ одинъ голосъ: «ахъ, какъ хорошо!» Предъ нами была окруженная со всѣхъ сторонъ старинными каменными зданіями, какъ бы грандіозно-высокими стѣнами, большая квадратная площадь, совершенно открытая сверху и только съ крытой галлереей вдоль всѣхъ 4 стѣнъ, опиравшейся на массу причудливыхъ колоннъ; эта то галлерей или собственно ея колоннада, замѣчательная тѣмъ, что, при всей многочисленности ихъ, ни одна колонна не походила на другую, и составляетъ прелесть двора возбуждая восторгъ богатыхъ разнообразіемъ колоннъ всѣхъ древнихъ и новыхъ стилей со всевозможной орнаментацией, начиная отъ самой незатѣйливой и кончал, такъ сказать, верхоиъ совершенства въ этомъ искусствѣ—последнимъ словомъ его, можетъ быть даже—перлами и шедеврами его. Со двора есть выходъ на наружную прилегающую къ нему площадку съ клубами роскошныхъ цвѣтовъ; отсюда открывается чудный видъ на окрестности, такъ какъ она расположена на вершинѣ горы; за огораживающимъ ее барьеромъ крутой обрывъ, внизу коего вьется дорога въ городъ.—Близъ монастыря есть ресторанъ, очевидно, предназначенный специально для «туристовъ», такъ какъ кругомъ такая, повидимому, бѣдность, что для нея онъ излишенъ. Сюда то мы и зашли подкрѣпиться заранѣе заказаннымъ завтракомъ, за которымъ фигурировали «итальянскія» не только вина, но и макароны и фрукты-мандарины, только что сорванные съ дерева и даже съ вѣтками, какъ бы въ доказательство ихъ свѣжести. Обратный путь для насъ былъ уже «повтореніемъ пройденнаго»; только удобнѣе было любоваться видомъ на море и городъ, который теперь былъ предъ нами, а не позади насъ. При вѣздѣ въ городъ компаніи раздѣлилась: одни посѣтили восвоися, другіе — любители древностей—подъ предводительствомъ того же любезнаго «чичероне»—консула—направились къ антикварію-скупщику и вмѣстѣ продавцу разныхъ старинныхъ цѣнныхъ вещей. Даже съ такимъ хорошо знающимъ городъ человекомъ мы долго бродили по его узкимъ, какъ корридоры, и вонючимъ улицамъ прежде, чѣмъ отыскали сего страннаго богача, напомнившаго мнѣ своей виѣшностью Гоголевскаго Плюшкина, а своими сокровищами—Пушкинскаго «Скупого рыцаря»; какъ последніе среди сундуковъ съ золотомъ, такъ и онъ среди своихъ безмолвныхъ друзей и вмѣстѣ подданныхъ не

разъ, вѣроятно, мысленно говорилъ: «Я царствую послушна мнѣ, сильна моя держава!..» Не скоро намъ отперли, хотя звонъ дверного колокольчика, величиною съ нашъ поддужный, громко раздавался за дверью; затѣмъ, послѣ переговоровъ чрезъ запертую дверь, насъ съ большой предосторожностью впустили, тотчасъ же за нами снова заперевъ дверь. 4 нежилыхъ комнаты были сплошь увѣшаны по стѣнамъ картинами древнихъ «знаменитостей» большею частью на религіозныя темы и уставлены различными предметами уже почтенной древности: тутъ была и мебель разныхъ вѣковъ и стилей, и разныя дорогія бездѣлушки, а въ витринахъ за стекломъ хранились разныя драгоценныя древнія вещи золотыя съ украшеніями. Все это, думалось мнѣ, вѣроятно снесено сюда «въ минуту жизни трудную» тѣми «прожигателями жизни», надъ которыми или «судьба горько подшутила», или «злые люди подсмѣялись», по ихъ убѣжденію, а въ дѣйствительности—страслась бѣда оттого, что, не заглядывая впередъ, спѣшили широко пользоваться жизнью, словомъ—любили «пожить въ свое удовольствіе», и въ финалѣ — все продано за безцѣнокъ съ молотка или снесено сюда за мѣдныя гроши затѣмъ, чтобы этотъ «другъ человѣчества» и «любитель легкой наживы» потомъ продавалъ ихъ на вѣсъ золота. Да, сколькихъ человѣческихъ заботъ, обмановъ, слезъ, моленій и проклятій онъ «тяжеловѣсный» представитель или владѣтель. «Если бы всѣ слезы, кровь и потъ, пролитыя за все, что здѣсь хранится, изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ, то былъ бы вновь потопъ»,—почему то думалось мнѣ словами поэта (изъ «Скупого рыцаря»). Послѣ долгаго осмотра всего принялись прицѣпываться къ понравившимся вещамъ; цѣны оказались ужасныя, такъ что ни къ чему «приступу не было». Однако одинъ любитель памятниконъ древности купилъ себѣ за 100 франковъ небольшую старинную шкатулку, снаружи оклеенную слоновою костью съ рѣзными изображеніями Евангелистовъ, нѣкоторыхъ апостоловъ и неизвѣстныхъ святыхъ. Невольно я при этомъ задумался надъ тѣмъ, какое было назначеніе этой шкатулки и какое употребленіе сдѣлаетъ изъ нея новый хозяинъ?

Третій и послѣдній день стоянки въ Палермо провелъ въ прогулкѣ по городу съ цѣлю ближайшаго ознакомленія съ нимъ и для нѣкоторыхъ мелкихъ закупокъ на память о немъ. Даже главныя улицы поражаютъ своей тѣсотой, а въ другихъ едва проѣхать одному экипажу и никакъ не разѣхаться двумъ. Неудивительно, что публика не держится тротуаровъ такъ какъ они настолько узки, что по нему съ трудомъ могутъ идти рядомъ

двое; такимъ образомъ по самой улицѣ не только ѣдутъ, но еще болѣе идутъ, и получается хаосъ пѣшихъ и конныхъ, который какъ будто еще болѣе увеличивается отъ страшнаго крика всевозможныхъ мелкихъ торгашей и газетчиковъ, старающихся какъ бы перекричать другъ друга, отъ чего въ ухахъ постоянный шумъ. Рядомъ съ вами квартала два ѣдетъ неотвязчивый извозчикъ-джентльменъ (въ шляпѣ, пиджакѣ и крахмальной сорочкѣ), предлагая свои услуги и расхваливая свой экипажъ «*Bona ventura*» (хорошая коляска), съ чѣмъ нельзя не согласиться; жаль, что въ него запряжена такая же миниатюрная и мизерная лошадка, какъ тѣ ослики, на которыхъ развозятъ по городу въ своеобразныхъ мѣстныхъ телѣжкахъ вино; не даромъ о ней извозчикъ умалчиваетъ. Тутъ же на тротуарѣ васъ безцеремонно хватаютъ за ноги, предлагая вамъ почистить сапоги. Нѣсколько удивляетъ также то, что апельсины, которымъ у насъ отводится въ магазинахъ почетное мѣсто, здѣсь у уличныхъ торгашей разложены прямо на полу и на землѣ, а уличные мальчишки играютъ въ нихъ какъ у насъ — въ бабки, или какъ на пасху катаютъ яйца. Въ глухихъ улицахъ иная картина: здѣсь можно наблюдать даже семейную жизнь, такъ какъ всѣ предпочитаютъ выползати изъ своихъ угловъ на свѣтъ Божій и здѣсь располагаются какъ у себя дома. Даже просушка бѣлья происходитъ здѣсь же на улицѣ, для чего протягивается веревка, или вдоль дома или даже поперекъ улицы, на которой и развѣшивается бѣлье; получается нѣсколько странное для города зрѣлище съ неудобствами, курьезными для прогуливающагося здѣсь. — Зданія города, стоящія болѣею частью сплошною стѣной въ 3 и 4 этажа, не отличаются изяществомъ архитектуры и даже чистотою отдѣлки. Лучшія зданія: дворецъ и театръ Гарибальди и роскошный (даже не по городу) «Большой театръ» (*teatro massimo*) Въ лучшихъ домахъ и внутренней дворикъ представляетъ изъ себя какъ бы комнату съ стекляннымъ верхомъ, уставленную цвѣтами и зеленью.

Набродившись до сыта, по обычаю туристовъ, закупили открытых писемъ (*carte postale*) съ видами города, его достопримѣчательностей и пощеченныхъ нами мѣстностей и зданій; постарались сбыть излишнія итальянскія «лиры» и «центезимы» (*centesimi*=фр. сантимъ т. е. сотая доля франка или лиры), оставивъ лишь ограниченное количество на память и для коллекцій иностранныхъ монетъ, отъ назойливаго уличнаго крика съ удовольствіемъ вернулись на яхту. Наутро назначено было сниматься съ якоря, чтобы идти въ дальнѣйшій путь.

Священникъ Димитрій *Поликарповъ*.